

Для цитирования: Матонин В.Н. Возвращение на Родину: записки и воспоминания Алексея Валериановича Брагина-Бобринского //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/3_4.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.016

CNF — материалы конференции

УДК 94(47+57) (092)

ББК 63.3 (2)

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ: ЗАПИСКИ И ВОСПОМИНАНИЯ АЛЕКСЕЯ ВАЛЕРИАНОВИЧА БРАГИНА-БОБРИНСКОГО

В.Н. Матонин¹

1 ФГАОУВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Архангельск, Российская Федерация
E-mail: matoninv@yandex.ru

В данной публикации представлены [воспоминания](#) потомка графов Бобринских Алексея Валериановича Брагина-Бобринского (1938-2014). Графский род Бобринских ведет начало от Алексея Григорьевича Бобринского — внебрачного сына Екатерины II и Г.Г. Орлова. Роль Бобринских в истории России трудно переоценить. Среди Бобринских были известные государственные и политические деятели, доблестные военные, поэты, писатели, ученые.

Алексей Валерианович Брагин-Бобринский принадлежит по материнской линии к знаменитому графскому роду Бобринских, а по отцовской линии к семье Брагиных — архангельских судейских чиновников и военных.

Вероятный предок Брагиных — Кирило Брагин, надсмотрщик Архангельской Приказной Палаты в XVIII в. [1]. Его подпись сохранилась на многих документах. Такую же должность исполнял в 1870-1876 гг. в Архангельской Палате уголовного и гражданского суда Виталий Васильевич Брагин. Канцелярские должности родителей в Российской империи, как правило, наследовались детьми.

Генеалогическими изысканиями о роде Брагиных занимались жители Архангельска — Вадим Николаевич Брагин (1935-2015) и Евгений Федорович Колтовой¹ (1946-2021) [2-4; 5; 6]. Евгений Федорович составил генеалогическое древо архангельских Брагиных. Отец Вадима Николаевича Брагина — Николай Витальевич Брагин (1883 г.р.) — был пятым ребенком в семье. В 1902 г. он окончил Архангельскую классическую гимназию, а в 1907 г. — историко-филологический факультет Московского Императорского Университета. Николай Витальевич преподавал историю, литературу, русский язык сначала в

¹ Известный краевед, изучавший военные династии. (прим.ред.)

Екатеринодарской гимназии, а затем — в «Sant Petri Schule» Санкт-Петербурга. Был также директором реального училища и инспектором народных училищ в городе Никольске. В 1920 г. переквалифицировался в инженера-экономиста, вторично женился и уехал из Архангельска в Среднюю Азию с молодой учительницей английского языка. Это спасло его от гибели. После 1917 г. все Брагины были репрессированы.

Исследуя родословие Брагиных, Вадим Николаевич узнал о судьбе родного брата своего отца — Флегонта Витальевича Брагина, о котором в «Памятной книжке» за 1910 г. сказано: «Архангельский резервный батальон. Командир 5-ой роты капитан Флегонт Витальевич Брагин». «Памятная книжка» за 1913 год дополняет информацию о нем: «198-ой пехотный Александро-Невский полк. Командир 15-ой роты капитан Флегонт Витальевич Брагин».

Ко времени революции 1917 г. в семье Флегонта Витальевича было четверо детей: две дочери — Зинаида и Надежда, и двое сыновей — Валериан и Георгий. Валериан (1899 г.р.) накануне 1917 г. учился в кадетском корпусе, а Георгий, окончив после гимназии юнкерское училище в Санкт-Петербурге, был поручиком [7].

Вадим Николаевич Брагин был знаком с Зинаидой Флегонтовной Брагиной. Она жила в Москве и скончалась в 1974 г. Ее старинная подруга по фамилии Милковская переслала Вадиму Николаевичу семейный архив Зинаиды Флегонтовны, состоящий из фотографий, открыток и нескольких документов. В настоящее время фотографии находятся у автора данной публикации, тестя Вадима Николаевича Брагина.

Через Милковскую Вадиму Николаевичу стало известно, что Флегонт Витальевич Брагин исполнял должность воинского начальника в Шенкурске. Жену Флегонта Витальевича Брагина звали Александра Вячеславна, в девичестве — Титова. Ее отец был священником Архангельского кафедрального собора. Брат Александры Вячеславны Венедикт окончил духовную академию в Москве и стал впоследствии протоиереем Вознесенской церкви под Архангельском. Вознесенский приход духовно объединял 44 деревни и по числу прихожан превосходил городские церкви Архангельска. 14 ноября 1937 г. по постановлению тройки УНКВД отец Венедикт был обвинен в контрреволюционной агитации и осужден на десятилетний срок лишения свободы. Его дальнейшая судьба неизвестна.

После революции жена и дочери Флегонта Витальевича уехали в Подмоскowie к родственникам, а он с сыном Георгием бежал в Эстонию. В городе Вейсентшвейне он умер в 1918 г. в возрасте 52 лет, в звании подполковника. Переписка Брагиных с Брагиными-Бобринскими шла через Георгия. Он женился на эстонке. Стал служащим. В 1939 г. Эстонию присоединили к Советскому Союзу, и переписка прекратилась. С приходом советской власти Георгия арестовали и отправили в лагерь. Ему удалось бежать, но здоровье было подорвано, и после 1944 г. от него не поступало никаких известий.

Валериан Флегонтович Брагин, второй сын родного брата Николая Витальевича, воевал в Добровольческой армии барона Врангеля. Был ранен под Перекопом. Едва не умер от тифа. Жил во Франции, в Болгарии, в Америке. Работал грузчиком, таксистом, играл в казачьем оркестре. Участвовал в войне с Боливией на стороне Парагвая. Был ковбоем и фермером. В эмиграции он женился на графине Юлии Владимировне Бобринской. В 1938 г. у Юлии Владимировны Бобринской и Валериана Флегонтовича Брагина, когда они жили в Сантьяго, родился сын Алексей (1938-2014).

В Америке Алексей Валерианович получил профессию летчика. Воевал и был ранен во Вьетнаме. Занимался туризмом в Африке. Женился на англичанке. Торговал яхтами. Писал о международной политике в журнале «Useless Knowledge Magazine». В 2008 г. опубликовал роман «Kingmaker».

В 2012 г. Алексея Валериановича пригласили из Чили в Россию для участия в конференции, посвященной 250-летию рода графов Бобринских. Приехав весной в Богородицк Тверской области, где находится Музей-усадьба Бобринских, Алексей Валерианович Брагин-Бобринский выступил с докладом о своей матери и о жизни семьи в эмиграции.

Впервые ступив на русскую землю в пожилом возрасте, Алексей Валерианович понял, что пришло время навсегда вернуться на Родину. Он эмигрировал в Россию, познакомился со своим дядей Вадимом Николаевичем Брагиным и архангельскими родственниками. Снял однокомнатную квартиру в Богородицке с видом на дворец, в котором родилась его мать.

Через два года Алексей Валерианович умер от рака легких и похоронен напротив алтаря храма рядом с дворцом и могилами своих именитых предков.

Автор данной публикации встречался, беседовал и переписывался с Алексеем Валериановичем Брагиным-Бобринским, отредактировал и перевел в формат литературного текста его доклад на конференции 2012 года в Богородицке, устные рассказы, фрагменты писем, а также незаконченного романа. Работа по изучению наследия Алексея Валериановича Брагина-Бобринского далека до завершения, но его воспоминания о жизни русской эмиграции имеют несомненное историческое значение. Ниже мы предлагаем вниманию читателей [записки](#) Алексея Валериановича Брагина-Бобринского.

Записанное Алексеем Валериановичем со слов его отца, белого офицера Валериана Флегонтовича Брагина, повествование о штурме Перекопа Красной Армией следует воспринимать как документальное свидетельство. Нашу задачу мы видим в восстановлении родственных связей семьи Брагиных-Бобринских, разорванные революцией и Гражданской войной.

Список литературы

1. Архангельск в XVIII веке / Сост-ль и отв. ред. Ю.Н. Беспятых. СПб.: Изд-во Русско-Балтийского информационного центра «Блиц», 1997.
2. Памятная книжка Архангельской губернии на 1861 год. Архангельск: Изд. Арханг. губ. стат. ком., [1861?].

3. Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год: статистический материал. Архангельск: Изд. Арханг. губ. стат. ком., [1864].
4. Памятная книжка Архангельской губернии на 1865 год. Архангельск: Изд. Арханг. губ. стат. ком., [1865].
5. Адрес-календарь Архангельской губернии на 1886 г. Архангельск: Губ. тип., 1886.
6. Справочная и памятная книга Архангельской губернии на 1875 год и статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губернии. Архангельск: В типографиях Губернской и В. Черепанова, 1874.
7. Матонин В.Н. Архангельская династия Брагиных и графы Бобринские: исторические и личные судьбы // Геопозитика Севера в русской литературе и текстах культуры народов циркумполярного мира: сб. научн. статей: Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, Центр сравнит. религиоведения и этносемиотики, Науч.-образоват. центр «Ломоносов. дом». Архангельск, 2016. С. 459-472.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ИЗ ПИСЕМ И ВОСПОМИНАНИЙ А.В. БРАГИНА-БОБРИНСКОГО

Детство

Одно из моих первых воспоминаний — предрассветное рычание львов в зоопарке Сантьяго. Я вставал рано утром и воображал, что я храбрый путешественник по Африке. Это впечатление повлияло на формирование моего характера.

Поднимавшаяся из темноты луна пугала меня. Был еще один детский страх — вырасти и где-то работать. Это опасение намекало на то, что в моем мозгу что-то действовало правильно.

В детстве я учился говорить по-русски и по-испански. Мне были очень интересны разговоры взрослых, и я их внимательно слушал. Родители меня прозвали Губкой. Когда они не хотели, чтобы я понял их разговор, переходили на французский, и не сразу сообразили, что заставили меня выучить и этот язык.

Моя первая возможность блистать в литературе пришла, когда мне было восемь лет. Надо было написать сочинение на свободную тему в одну страницу. Я представил четырехстраничный роман, испачканный кляксами, и получил двойку.

Война

Когда я достиг восемнадцати лет, уже никого не слушал. Мама считала мои письма из далеких восточных портов литературными шедеврами. Она их копировала и рассылала родственникам. К концу моего двадцатилетия после трех лет службы в американской морской пехоте я успешно преодолел свои детские страхи в отношении работы: ночью стоял в карауле, а днем учился в авиационной школе. Получив права коммерческого летчика, я весело летал в двух авиакомпаниях. Когда началась война во Вьетнаме, старое русское воспитание потребовало от меня участия в ней. В Лаосе кипела «секретная война». Там я летал на старых транспортных машинах «Куртис С-46». Их называли «фабрики вдов». Мы страдали от тяжелых потерь, но занимались снабжением партизан.

Сафари

После войны я написал свой первый роман. Он был таким ужасным, что я ограничил себя сочинением туристических брошюр. Мой старый детский сон жить среди африканской природы осуществился. Я поселился в Кении и открыл фирму сафари. Жизнь среди богатой фауны мне очень подходила. Я снова стал писать. Так как я хорошо знал малопосещаемые места, департамент охраны природы взял меня на секретную работу по борьбе с браконьерством. Эта работа была слишком успешной. Покровители браконьеров (мои хозяева) публично

меня сдали. Пришлось жить с револьвером в руке. После двух перестрелок я вернулся в Чили, где организовал туристические верховые походы в горы. Когда дело прогорело, вернулся в Штаты, чтобы продавать яхты и серьёзно писать. В 2008 году мой роман «Кингмакер» был опубликован. Мои комментарии о международной политике в журнале «Useless Knowledge Magazine» заработали мне звание «Комментатор 2010 года». Сейчас я заканчиваю роман, который будет издан в Лаосе. Живу в Сантьяго. Как многие дети, я недооценивал свою мать. Ее гуманитарная деятельность улучшила жизнь тысячам эмигрантов.

Юлия Владимировна Бобринская

Когда отдельные эпизоды из жизни моей матери складывались в хронику, я знакомился с ней как новым для меня человеком, способным подниматься над окружающими обстоятельствами. Моя мать родилась на втором этаже фамильного дворца в Богородицке. С ранних лет она научилась ездить на лошади. В брюках, как мальчишка, она обожала скакать вслед пожарной команде, а в лесу перепрыгивать через упавшие деревья. Петербург ей не нравился. В столице она мечтала о той свободе, которая была у нее в Богородицке. В Петербурге жила лучшая подруга моей мамы — Мэри Стюарт (из рода шотландских королей, которые уже несколько поколений жили в России). Вместе они создали «тайное общество» с целью освободить Шотландию от англичан и восстановить Стюартов на престоле.

Когда началась война

Владимир Алексеевич, как настоящий патриот, продал все свое имущество за рубежом, и на эти деньги купил большое количество русских военных бондов¹. Служил в армии в звании корнета. В августе 1914 года Владимир Алексеевич уехал на фронт, а Бобринские — в Петербург.

Революция

Юле было 13 лет. Она спросила брата: «Кто так быстро дрова рубит?» Брат ответил, что это стреляет пулемет. Так для нее началась революция. Мария Матвеевна зашила драгоценности в корсет. Граф, его жена, сын Георгий, дочери Наталия и София переоделись в рабочую одежду и с собакой Фокой покинули Петербург. Окружным путем прибыли в Богородицк, где пока было тихо. Когда Добровольческая армия, наступая на Москву, взяла Старый Оскол, Бобринские выехали встречать белых. Георгий записался в Добровольческую армию. У Бобринских была дача в Сочи. Владимир Алексеевич решил отвезти туда семью. Дача пряталась в горах за городом. Ночью сад навещали медведи. Юлии

¹ Военные бонды — это долговые облигации, выпущенные правительством для финансирования боевых действий. — *В.М.*

это очень нравилось. Бобринские жили спокойно, пока к ним не пришла дюжина бандитов. Они все обыскали, но ничего ценного не нашли. Бандитизм нарастал. Дедушка обзавелся револьвером и без него никуда не ходил. Владимир Алексеевич решил переехать в Туапсе. Семья поселилась в гостинице на набережной.

Эмиграция

1920 год. На рейде тревожно гудели сирены кораблей. Морской офицер уговаривал графа эвакуироваться. Он говорил: «Последняя шлюпка вот-вот отчалит. Красные в любой момент могут войти в город». Убедившись, что все пропало, Владимир Алексеевич приказал запереть в номере Юлину собаку. Заплаканная Юля с маленьким чемоданчиком в руке шла за родителями. Все сели в лодку. Матросы быстро гребли к судну. Красные начали стрелять. «Стреляют по собаке», — объявил один из моряков. Офицер приказал остановиться. Собака с окровавленной мордой догнала лодку, и матросы подняли ее на борт. Так вместе с двумя миллионами россиян эмигрировала, по меньшей мере, одна собака.

На чужбине

В Турции русским беженцам пришлось испытать грубость, унижение, голод. Все за гроши отдавали свои вещи. Бобринские поехали в Югославию, где к русским относились дружелюбно. Сверхквалифицированному графу работы не было. Семья жила на продаваемые понемногу бриллианты.

Григорий выжил и оказался в Галиополи. Он ненадолго воссоединился с семьей и уехал в Америку. По вечерам мыл посуду в ресторане, а днем учился в университете. Женится на американке и преподавал древние языки в Чикаго. Наташа вышла замуж за известного русского летчика Леонида Байдака, который служил в военно-воздушном флоте Югославии.

В Белграде появились русская газета, гимназия, кадетский корпус. Деньги кончались. Владимир Алексеевич и Мария Матвеевна решили переехать в Париж, где граф был бы менее заметен. Там он устроился бухгалтером и умер в 1927 году.

Юлия прочла в газете, что генерал Беляев предложил создать «Русский Очаг» в Парагвае, где государство бесплатно давало землю, чтобы заселить провинцию Чако. Дедушка считал эту идею утопией, которая плохо кончится, но Юлии предложение показалось привлекательным. В 1932 году Боливия, вооруженная авиацией и танками, напала на беззащитный Парагвай. Беляев создал новую Русскую Армию и приехал во Францию за подкреплением. Юлия Владимировна записалась в Русскую Армию сестрой милосердия.

Мой отец

Мой отец, Валериан Флегонтович Брагин, потомственный военный. Когда взорвалась революция, он был юнкером Московского артиллерийского училища. Он из первых двухсот человек ответил на призыв генералов Алексеева и Маркова собраться в Ростове-на-Дону и начать боевые действия против большевиков. В Крыму, в последнем бою возле Перекопа был ранен и без сознания эвакуирован в Галиполи. Он добрался до Парижа, где работал грузчиком, пока не повысил социальный статус в должности таксиста. Мой отец и несколько сотен офицеров вступили в армию генерала Беляева, погрузились в теплоход «Мендоза» и отправились на новую войну.

Брагину понравилась одна молодая дама, но, когда он узнал, что она графиня, да еще императорского рода, оставил надежду на близкое знакомство.

Для Юлии это плавание было совсем другим, нежели эвакуация из России. Юлия была весела, окружена офицерам, свободна от большевистского кошмара. На корабле устраивались творческие вечера, концерты, балы, веселая церемония экватора.

Победа и перемирие

Армия Беляева разбила боливийцев. Были объявлено перемирие и репатриация 200 000 боливийских военнопленных. Устроен грандиозный праздник. Некоторые улицы столицы Асунсьен названы русскими именами.

Что делать с приезжими, никто не знал. Парагвай обанкротился. Офицеры гуляли без дела по улицам, сидели в кафе, играли в теннис. В Теннисном клубе Брагин познакомился с графиней Бобринской.

Государство раздавало землю. Брагин вместе с тремя товарищами отправились в лес и построили дом. Прожив год в джунглях, они поняли, что без капитала бороться с лесом им не по силам. Графиня уехала в Аргентину. Брагин решил ехать туда же. В Буэнос-Айресе графиня работала счетоводом в банке. Директор нового русского оркестра пригласил Брагина играть на контрабасе. В кадетском корпусе Валериан играл на тубе. Регулярно получая зарплату, он набрался храбрости и сделал графине предложение. Они повенчались.

Коляска под зонтиком

В ноябре 1937 года оркестр под фанфары приехал в Чили. Играл в роскошном ресторане «Боярин». Через пару месяцев ресторан прогорел.

Оркестр переселился в ночной клуб «Луцерн». Там дело пошло хорошо, пока пожар не покончил с клубом и с инструментами оркестра. Чтобы увеличить катастрофу, родился я. Отец нашел работу в Консепсионе, и мы поехали в этот городок. Приехали как раз во время землетрясения, которое убило 20 000 человек. Дороги и мосты были разрушены, крыша нашего дома повреждена. Я жил в коляске, покрытой зонтиком. Как мои родители

укрывались от дождя, не знаю. Когда мне было два года, в маленькую русскую колонию приехал священник и крестил меня. Наша семья жила тогда в одной комнате.

Наши гости

Когда мне было лет пять, у меня появился брат Петр. Мы жили уже в просторном двухэтажном доме. К нам часто приходили гости. Среди них были старики, которым трудно найти работу и средства к пропитанию. Элегантный профессор Афанасьев в черном костюме с черной накидкой на красной подкладке учил меня читать и писать, а мама за это приглашала его обедать у нас. Мы часто навещали генеральшу Ковалевскую. Она носила длинные платья прошлого века. Мы приносили ей сладости для чая. Она нас очень мило принимала. Когда ее разбил паралич, жила у нас.

По вечерам в семь часов мама включала радио, чтобы слушать, как папа играет в оркестре. Днем они с товарищем торговали в магазине подержанной мебели. Мама собирала одежду, консервы и посылала в Европу через Красный Крест.

Война закончилась. Стали приходить письма. Мама проводила много времени вне дома. К нам в гости стали приходить высокопоставленные чиновники из министерства иностранных дел.

Папин брат

Папа получил открытку от своего брата в Ревеля. Он сообщал, что был арестован, отправлен в советский лагерь, но бежал. Открытка датирована днем входа советской армии в Ревель. После этого он, его жена и дети пропали без вести.

Русские беженцы в Чили

Мама устроила благотворительной вечер. В небольшом зале элегантной гостиницы собралась вся русская колония. Мама объявила, что Чили готово принять две тысячи тысяч русских беженцев. Государство их поселит на стадионе, но переселенцев нужно кормить, обучать испанскому языку, найти им работу. Покамест они не приедут, необходимо построить церковь. Самые богатые русские в Чили были Черняки, у которых хорошо шло ресторанное дело. Они пожертвовали участок для церкви. Мама предложила организовать дамский комитет и выбрать председательницей мадам Черняк. Как капли, стали стекаться русские беженцы. Одними из первых прибыли тетя Наташа с мужем и дочкой. Они поселились у нас.

В 1947 году пришел первый эшелон беженцев. Их было больше тысячи. Недалеко от стадиона мы открыли гастрономическую лавку и поселились в комнату над ней. Многие беженцы собирались возле лавки, чтобы, чтобы поговорить и обсудить дела насущные. Стали заходить и чилийцы. Дело пошло.

Отец с компаньоном купили грузовик, но на крутом спуске в горах тормоза отказали. Компаньон спасся, но автомобиль улетел в овраг.

На Пасху 1948 года было закончено строительство церкви. Папа дирижировал, а новый хор замечательно пел. Приехали старые друзья Бобринских казаки Имшенетские. Владимир Николаевич устроился работать землемером. Летом он брал меня собой, учил верховой езде и профессии землемера. Появились русские журналы и газеты. Открылся Русский Дом с библиотекой, залом для праздников и часовней. Духовенство увеличилось до четырех священников. Мама меня посылала с поручениями кого-либо сопровождать или помогать заполнять анкеты. До приезда беженцев у меня не было друзей среди ровесников. При создании отряда скаутов/разведчиков родители записали в ОРЮР нас с братом Петром.

«Папаша повысил голос»

Я не встречал более спокойного человека, нежели мой отец. Мало что его возбуждало. Однажды я выходил из школы. На тротуаре стояла толпа родителей. Папаша присел на корточки, чтобы мне что-то сказать. Его внимание отвлекли скрип тормозов и крики. Он мне сказал: «Стой! Не двигайся!» — и бросился к машине, под которую только что попала женщина. Отец начал осторожно вытаскивать пострадавшую и громким голосом отдавать распоряжения:

— Несите подушку, одеяло, коробку скорой помощи, звоните в госпиталь!

Меня удивило, что его все слушались. Это был первый и последний раз, когда я услышал, что папаша повысил голос.

Куроводство по-русски

Мои родители продали магазин, и мы переехали на окраину города в небольшую усадьбу, где занялись куроводством. Все шло хорошо, пока куры не начали помирать. После того, как все куры сдохли, у нас началась санитарная работа: день и ночь горели перья мертвых кур.

Инспекторы разрешили снова открыть дело. Мы купили 5 000 кур, но и они перемерли. Отец опять занялся музыкой. В свободное время писал и продавал картины.

В Сан-Франциско

В Чили экономическая и политическая ситуация ухудшались. Коммунисты стали набирать силу. Родители объявили, что мы переселяемся в США. В апреле 1954 года мы уехали. По дороге в Сан-Франциско навестили дядю Гришу. Меня поразили размер русской колонии: восемнадцать церквей, приют, монастыри, две русских школы, большой Русский Центр с театром и гимнастическим залом. В подвале печаталась ежедневная газета.

В отношениях с американцами у меня что-то не клеилось. Страна казалась бездушной. Родители устроились работать уборщиками, брат и я разносили газеты. Тогда в Штатах жилось хорошо, даже на небольшую зарплату. Мы ходили на концерты и спектакли в Русском Центре. Папа снова играл на тубе в духовом оркестре. У меня появилось много друзей. Среди них Андрей Подойницин, который жил с мамой и бабушкой в доме Казачьего союза. Его дед служил в казачьей охране императора. У меня с Подойнициными были очень теплые отношения. Бабушка Подойницина знала моего деда — графа Владимира Бобринского. Она регулярно посещала Государя, и была очень рада снова встретить мою мать, которую знала еще девочкой.

Мама устроилась работать в агентстве недвижимости и купила дом на берегу океана. Она продолжала заниматься благотворительностью и постоянно находила людей, нуждающихся в помощи.

Холодная война и развод родителей

Холодная война была в полном разгаре. Даже иностранцев забирали в армию. Чтобы избежать службы в глухой Американской провинции, я поступил в морскую пехоту, и меня посадили на крейсер. Наша база располагалась в Японии, где я посетил немало интересных портов.

Не знаю, что заставило родителей развестись, но, когда я вернулся, они жили отдельно. Брат жил с мамой, а я с отцом. Ночью работал охранником, а днем учился в школе летчиков. В 1963 году начал летать в грузовой авиакомпании. Моя база была на другой стороне Штатов, и я редко видел мать. Мой отец умер в 1967 году. Мама очень горевала, но, когда у моего брата Петра родился сын, она снова расцвела и поехала в Париж навестить сестру Сою.

Смерть мамы

В 1973 году после кочевья по Азии, Европе и Африке я приехал к маме с невестой, англичанкой. Они сразу подружились, и мама отправилась с нами в свадебное путешествие. К тому времени мама начала слепнуть, но оставалась бодрой. Ездила к Толстым в штат Нью-Йорк. Сестра Наталья поселилась неподалеку от мамы. В последние годы за мамой присматривала супружеская пара наших американских друзей. В апреле 1982 года, когда я был в Кении, мама умерла. Мне сообщили, что она не пожелала быть похороненной на чужбине и велела развеять ее останки над океаном.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
ПЕРЕКОП
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.В. БРАГИНА-БОБРИНСКОГО О ЕГО ОТЦЕ)

«Отец игумен»

Нашу квартиру отец называл «Гусарский монастырь». Мои друзья обожали Валериана Флегонтовича и называли его «Отец игумен». Он написал про нас: «Под закуску огурцы выпивали подлецы». В нашем туалете, если поднять крышку унитаза, можно было полюбоваться на портрет Хрущева. Если бы мы жили в СССР, то трудились бы в ГУЛАГе. Наша свобода имела свою цену. Как многие офицеры, включая несколько генералов, отец работал уборщиком. Если его спрашивали, чем он занимается, он отвечал: «У меня генеральская должность. Я заведую половыми делами». Моя мама сначала тоже работала уборщицей в гостинице, а потом они с подругой открыли магазин дамской одежды.

Орден Святого Георгия

В августе 1960 года, во времена Хрущева, трехцветный русский флаг весело развевался на берегу Бакс Лэйк. Несмотря на то, что я еще не полностью оправился от тяжелого ранения, не захотел пропустить празднование 50-й годовщины Организации русских скаутов.

В глубине соснового лесного массива Сьерра Невады несколько сот молодых людей, представлявших русских, живущих в Калифорнии, Нью-Йорке, а также Франции, встали лагерем и временно воссоздали островок России под ее настоящим флагом. Этот флаг был для нас в эмиграции символом свободы и надежды на то, что коммунистическая диктатура падет.

Лагерь был расположен в уединенном месте, но в субботу приехало немалое количество гостей. Я не участвовал в играх и спортивных состязаниях, но с удовольствием наблюдал за ними. Почти все участники, младшие и постарше, были рождены за границей, как и некоторые из их родителей, приехавших по приглашению своих детей. Вечером вокруг большого костра все пели песни, и скауты разыгрывали комические сценки.

После отбоя в лесу стало тихо. Я лежал на песке возле озера, засыпая под легкий плеск волн и глядя на звезды, которые через несколько часов взойдут над Россией.

На следующий день, когда приглашенный священник отслужил литургию на алтаре, сооруженном под соснами, я отошел в сторонку, чтобы спокойно закурить. Сидя на бревне, смотрел на тихое озеро и заметил идущего в мою сторону незнакомца.

— Ваша фамилия Брагин? — спросил он.

Прежде чем ответить, я его внимательно рассмотрел. Это был небольшого роста широкоплечий пожилой человек, изуродованный шрамом под левым глазом до углубления на щеке без кости. Выражение его лица было дружелюбным и даже симпатичным. Я встал и сказал:

— Да, я Брагин.

— Вы знаете, во время Гражданской войны я был знаком с капитаном Брагиным. Служил он в Марковском полку. Вы случайно не родственники?

— Это мой отец.

— Я уже много лет его разыскиваю. У меня есть для него одно поручение.

Мне вспомнилось, что, когда мне было лет семь и мы с младшим братом качались в парке на качелях, к забору подошел мужчина.

— Иди сюда, — позвал он меня.

Что-то в его облике вызвало во мне недоверие и страх, и я, подхватив братишку за руку, побежал домой. Потом родители мне объяснили, что не все русские хорошие люди.

— Что за поручение? — спросил я у незнакомца.

— От генерала Врангеля. Приказ на повышение в чине и награду — Орден Святого Георгия.

Для меня это было очень важным событием, встречей с живой историей.

— Будьте добры, дайте мне ваш адрес и телефонный номер, я отцу передам.

Закончив формальности, мы разговорились, и мне стало ясно, что этот господин близко знал моего отца.

С отцом мы жили в удобной квартире на третьем этаже.

Я поставил машину напротив дома. Внутри квартиры было темно. Я вытащил револьвер из-под сидения и осторожно осмотрел улицу. Всё было спокойно. Сунув «Смит & Вессон» за пояс, взял рюкзак с заднего сидения и поднялся в квартиру.

Отец рано уходил на работу и сейчас уже спал. Я бесшумно вошел в кухню и приготовил себе чай, не зная, какой будет папашина реакция о его повышении в звании и ордене. У него уже случился один сердечный приступ. Завтра у нас будет время для спокойного разговора и воспоминаний.

Наступление красных

Батарея стояла на закрытой позиции за холмом. На вершине поручик Брагин лежал в траве с телефоном и наблюдал, как развивается наступление красных.

— Сколько их там? — прозвучал в трубке голос командира.

— Примерно, пять тысяч.

— Доложи, когда они будут в тысяче шагов от нашей пехоты!

— Так точно, господин майор.

Шеренги красных с винтовками наизготовку наступали широким фронтом и в полном порядке. Видно было, что Красная Армия становилась все более организованной.

— Тысяча метров! — объявил Брагин.

Ударил залп из всех орудий батареи. Четыре фонтана чернозема взметнулись в первом ряду красных, но неприятель продолжал наступать, не теряя боевого порядка.

— Прямое попадание!

Скрываемая за дымом взрывов, красная пехота продвигалась вперед. Пехотный батальон встретил красноармейцев винтовочными выстрелами. Стало невозможно вести артиллерийский огонь по передним рядам неприятеля. Белая пехота не выдержала натиска противника и побежала через позицию Брагина. Он увидел, что прислуга тянет орудия на вершину холма. Первое орудие поравнялось с позицией Брагина.

Вблизи послышались крики «Ура!» Пули звенели, ударяясь о щит орудия. Командир высунул голову из-за щита и упал с окровавленным лицом.

— Несите все снаряды!

Брагин прицеливается через ствол, заряжает снаряд и дергает шнур. Меняет наводку и снова стреляет. Остальные три орудия следуют его примеру.

Смертоносный пушечный огонь прямой наводкой остановил красных. Их шеренги смешались и наступление захлебнулось.

Брагин огляделся. Снарядов больше нет!

С правого фланга с шашками наголо на неприятеля накатывалась кавалерия. Красные побежали.

Сиваш замерз

Ночью на степь неожиданно опустился сильный мороз. Казалось, что небо скоро треснет от холода. Завернувшись в рваную шинель и положив голову на седло, как на подушку, Брагин старался уснуть. Несмотря на усталость, сон не приходил. Успокаивало только мягкое фырканье лошадей.

Стук приближающегося лошадиного галопа заставил сердце сильно биться. Брагин повернулся и облокотился на локоть.

Всадник остановился, соскочил с лошади и о чем-то спросил часового. Раздались голоса. Брагин поднялся. По замершим и затекшим ногам побежали мурашки. Он чуть не упал и ухватился за пояс с маузером в кобуре. Все вокруг тоже начали вставать. Уже не стесняясь кого-либо разбудить, Брагин топал ногами, чтобы восстановить кровоток и согреться.

— Тревога! — раздался как взрыв голос командира.

— По коням! Офицеры ко мне!

Брагин крикнул взводному старшине:

— Запрягай тачанки! — и помчался к батальонному командиру.

— Господа! Сиваш замерз. Красные идут по льду. Двигайтесь сформированным маршем и занимайте приготовленные позиции. Все свободны.

Когда Брагин вернулся в часть, лошадь уже была оседлана, а тачанки запряжены и выстроены.

Чувствуя волнение хозяина, лошадь Брагина гарцевала на месте. Нужно было пропустить два эскадрона, чтобы занять свое место в колонне.

— Рысью вперед, марш!

Серая кобыла, понимающая команды как хороший солдат, тронулась вперед. Тачанки закрипели, и взвод занял свое место.

Через пять минут лошади разогрелись, и колонна пошла в галоп.

Брагин предполагал, что красные дойдут до первой линии окопов не раньше рассвета, и на открытом льду легко будут рассеяны пулеметным огнем. Он понимал, почему они решились на рискованный маневр — обход укреплений в районе Перекопа. Он был уверен, что Добровольческая армия одержит победу. Как Тевтонские рыцари, красные погибнут на льду, и Россия будет спасена.

Пулеметные очереди вырвали Брагина из полудремы. Сигнал трубача дал понять, что надо развернуться направо.

— Тачанки вперед! Остановить атаку!

В пятистах метрах красные уже засели в окопах, будто специально для них выкопанных. Брагин решил приблизиться к неприятелю, чтобы огонь был более эффективным. Скорость разворота играла решающую роль в успехе маневра.

— Вперед карьером, марш! — Брагин сжал шпоры. Верная серая кобыла рванулась вперед. За ним ровным строем летели тачанки. Брагин вытащил маузер из деревянной кобуры. Красные открыли огонь.

— Взвод, развернись!

Получив сильный удар по руке ниже локтя, Брагин невольно разжал пальцы, и пистолет выпал из руки. Лошадь упала на колени и перевернулась. Брагин упал на замерзшую землю. Рукав окровавлен. Лошадь лежит на спине и дрыгает ногами. Пули жужжат как пчелы. Брагин поднялся. Тачанки перевернуты. Одно колесо еще вращается. Лошади без всадников дико крутятся по полю. Левой рукой Брагин взял пистолет и прекратил страдание кобылы. Удар по ноге, и сильная боль свалила поручика. Очень хочется спать, но нельзя. Нужно выполнить приказ и опрокинуть красных. Вперед! Брагин поднялся и снова упал. Снова поднялся:

— Вперед!

Увидел, что к нему скачет казак. Не останавливаясь, казак схватил Брагина за пояс и одним рывком перекинул через седло. Темнота окутала весь мир, и больше ничего не болело.

Пуля прошла навывлет

Жарко. Волк грызет руку. «Почему ты меня убил?» — спрашивает пристреленная кобыла. Раздается женский голос: «Успокойтесь!» Тело трясется от боли. Нужно встать, но кто-то удерживает, и не хватает сил подняться. Голова падает на подушку. Брагин открывает глаза.

— Так, хорошо. Лежите спокойно.

Сестра милосердия вытирает ему лицо мокрым полотенцем. Резкая, как электрический удар, боль чуть не лишает сознания.

— Бросьте меня мучить!

— Тихо. Скоро закончу. Надо выдавить весь гной.

Брагин взглянул на свою руку. Это не рука, а безобразно толстый кусок гниющего мяса фиолетового цвета.

— Вам повезло. Пуля прошла навывлет.

Сестра держит стакан воды, поднимает голову раненого.

— Пейте! Это поможет снизить жар.

— А как моя нога?

— Она болит?

— Немного.

— Тогда не беспокойтесь. У Вас еще и тиф.

Изредка выныривая из беспокойного сна, Брагин начал осматриваться. Палата полевого госпиталя. Темно. Как на Кавказе, голос муэдзина зовет правоверных на молитву.

Странно. Это было давно. Каждое утро бронепоезд красных выходил из Майкопа и обстреливал добровольцев.

— Господа! Обратите внимание! — Командир направил бинокль в сторону железной дороги.

— Видите тополя и кусты направо? Поезд остановится точно там.

Лежа на брюхе, Брагин внимательно следил за легким бронепоездом. Перед паровозом были прицеплены две платформы. Первая нагружена мешками с песком. На второй — два пулемета «Максим». За тендером на открытых платформах расположены семидесятимиллиметровые полевые орудия, которые могли стрелять в любую сторону.

Поезд остановился и начал свою ежедневную рутину.

— Захватим бронепоезд — и город наш!

Командир улыбнулся:

— Дерзость — это мать побед!

— Мать побед? Нас всех убили?

— Да, всех!

От запаха трупов тошнит. Брагин пришел в себя. Вонь шла не от трупов, а от его воспаленной руки. К сестре присоединился врач.

— Где мы?

— В Галиополи, — ответил врач.

— Как это так?

Врач покачал головой.

— России больше нет.

Брагин подумал, что у него снова начинается бред.

— Молодой человек, Вы достаточно поправились. Сегодня будем резать Вашу руку.

- Никто не будет мою руку резать! — сказал Брагин.
- У Вас гангрена. Вас может спасти только ампутация.
- Спасти от чего? Где мои товарищи? Где армия?
- Успокойтесь.
- Не будете меня резать!
- Тогда убирайтесь вон! Нам тут хватит работы!

«Светит месяц, светит яркий»

Хромая, Брагин вышел из госпиталя. В каблуке его сапога застряла пуля. Пройдя несколько шагов, он сел отдохнуть на камень. С моря дул холодный ветер. Муэдзин звал на вечернюю молитву. Еще один русской солдат прибыл умереть в чужом краю. Длинный путь привел его сюда. Золотое время кадетского корпуса осталось в далеком прошлом. Восстание военного училища против большевиков – детская игра. Когда его вели на расстрел, это тоже казалось шуткой. Сейчас он встретится с суровым полковником, который от разбитого сердца умер в немецком плену, когда узнал, что его любимая армия развалилась. Да, встретится и расскажет, как он был солдатом и с честью защищал родину от грабителей. Как четыре человека захватили красный бронепоезд и увезли. Старик будет смеяться.

Кто-то нежно потряс за плечо:

— Вставайте, пойдём!

Брагин открыл глаза. Было уже темно. Сестра милосердия помогла ему встать.

— Не беспокойтесь обо мне.

— Мы пойдём недалеко.

В доме, где были расквартированы сестры милосердия, Брагину устроили постель. Когда он не спал, должен был держать руку в растворе серы. От сестер он узнал про эвакуацию, о продаже Франции за гроши могучего русского флота, чтобы прокормить армию.

Через три недели опухоль начала спадать, но пальцы не слушались. С каждым днем Брагин становился крепче. Однажды старшая сестра принесла ему балалайку.

— Так как Вы тоже музыкант, вот Вам для развлечения.

— Благодарю, но я не могу играть одной рукой.

— Берите! — Сестра сунула ему инструмент. — Наберитесь храбрости и сыграйте мне «Светит месяц».

— Вот так. Закройте пальцы!

Сестра дала Брагину неделю на то, чтобы его пальцы научились слушаться и вытягивать мелодию.